

ТЮРИН Евгений Анатольевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а; Turin.of.Foveran@yandex.ru)

ВЛИЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ШОТЛАНДСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ: К ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс цивилизационных изменений в Великобритании в условиях построения имперской государственности. Автор анализирует особенности шотландской национальной идентичности в контексте шотландского участия в строительстве Британской империи. Автор разделяет мнение тех исследователей, которые считают, что военные и административные успехи шотландцев в рамках империи были основной движущей силой британской национальной интеграции, а также фактором становления шотландской национальной идентичности. Иными словами, две идентичности (шотландская и британская) не противоположны друг другу сами по себе, скорее, они развивались одновременно, и история показала, что они обе могут быть одновременно уместными. На основе этого можно утверждать, что идентичность не представляется логическим политическим средством для тех сил, которые борются сегодня за национальное самоопределение Шотландии.

Ключевые слова: Шотландия, Британская империя, идентичность, исторические императивы, имперская государственность, клановые традиции, Великобритания

Тенденции развития современного мира отражают сегодня процесс поиска многими народами собственной идентичности, осмысления своей роли в мировой истории и политике [Чернышов 2017: 59]. В этой связи государства, претендующие на значимые позиции в международных отношениях, должны с максимальным вниманием относиться к сохранению общенациональных ценностей и укреплению цивилизационных основ своей идентичности. Тем более что в современном мире цивилизационная идентичность подвержена существенной политизации, которая приводит к противостоянию народов и возникновению межэтнической и межнациональной конфронтации [Алибегиллов, Волков 2016: 23]. В этой связи актуализируется вопрос о соотношении общего и частного при изучении исторических императивов формирования социокультурных и цивилизационных основ идентичности тех или иных народов [Шапаренко 2010].

В данной статье в качестве примера, позволяющего приблизиться к пониманию исторических императивов идентичности конкретного народа, мы предлагаем рассмотреть опыт пребывания шотландцев в составе имперского государства, коим до недавнего времени являлась Британская империя. Создание имперского государства было важным процессом, в рамках которого национальная и государственная идентичности стали значимым вопросом для шотландцев. Огромное значение империи для Шотландии комплексно описал Дивайн в своей работе «Шотландская империя». В книге уделяется внимание широкому кругу социальных, экономических и культурных аспектов роли и места Шотландии в Британской империи. Дивайн признает две категории преимуществ, которые получила Шотландия от участия в имперском проекте: первая связана с торговлей и развитием, вторая — с достижениями империи, которые шотландцы активно перенимали.

Влияние имперской торговли на Шотландию лучше всего проиллюстрировано Дивайном в описании табачного рынка. В доимперские времена табачная

и другие виды торговли с американскими колониями были эксклюзивными для английских торговцев. Благодаря участию в создании имперского государства, шотландские торговцы были наделены теми же торговыми правами. Дивайн показывает, что в 1710 г. только 10% английского табака проходило через Шотландию. В 1765 г. этот показатель вырос в 4 раза, и уже свыше 40% импортируемых в Англию табачных изделий поступало через порт Глазго [Devine 2003: 69-93].

Сахарная торговля развивалась тем же путем, хоть и менее впечатляюще. Все это привело к огромному притоку богатства в Шотландию в целом и в Глазго в частности. Процветание было настолько мощным, что в будущем было профинансировано развитие банковского дела, но что более важно, появились финансовые ресурсы для осуществления шотландской индустриализации. Таким образом, ситуация, описанная Дивайном, показывает, что свободный доступ к имперским рынкам подпитывал шотландскую экономику и служил основой масштабной шотландской индустриализации и урбанизации [Тюрин, Савинова 2014].

Действительно, шотландцы получили от имперского проекта много преимуществ, проявившихся в военной и гражданской сферах. В отношении военной службы Дивайн выражается предельно ясно: тот факт, что Британия стала колониальной державой, сделало ее мощной в военном отношении, что является иллюстрацией прямой зависимости между имперским типом государственности и ростом численности армии. Шотландцы, особенно в XVII и XIX вв., занимали большое число мест в армии — как в низших рангах, так и в офицерском корпусе. Дивайн считает причиной такого огромного представительства шотландцев в имперской армии, а также массового притока шотландцев на военную службу в армии всей Европы огромную нищету в шотландском Хайленде. К тому же горцам из клановой элиты всегда были присущи боевые привычки, характерные для воинов всех времен и народов. Сочетание этих причин создало систему востребованности военной службы среди шотландцев, которая стала уважаемым способом заработать себе на жизнь без ущерба чести. Таким образом, британская армия предоставила шотландцам доступ к различным звеньям общества (от самого низшего до самого высшего) и карьере, ранее закрытой для них. Более интересным является тот факт, что среди всех добровольцев британской армии наибольшее число занимали представители Шотландии. Это указывает на то, что верность шотландцев своим древним боевым обычаям основывалась на чем-то большем, нежели карьерные возможности и способ заработать себе на жизнь [Devine 2003: 290-319].

Но шотландцы не только преобладали среди военных; высокая доля их представительства была и в рядах колониальных губернаторов, администраторов и т.д. различных колониальных районов империи, таких как Америка, Канада, Карибские острова, Индия и Австралия. Шотландцы занимали довольно высокие посты, и даже должность губернатора. Весьма успешными сыны Шотландии оказались и в получении должностей, сопряженных с распространением Евангелия. Иными словами, они были старательными и успешными строителями империи [Devine 2003: 290-319]. Этот вывод Дивайна согласуется и с мнением некоторых российских исследователей [Апрыщенко 2016].

Успех шотландцев в империи связан с их значительным вкладом в создание общей британской идентичности [Colley 2009: 118-133]. Так, Колли подчеркивает шотландский успех в административном секторе даже сильнее, чем Дивайн, показывая, что шотландцы очень даже успешно занимали высокие должности в самой Англии. Впрочем, карьерные достижения шотландцев в управленческих структурах Британии лучше всего проиллюстрированы на примере Джона Уилкса (1725—1797), члена английского парламента. Хотя он в Англии был лишь

представителем этнического меньшинства, его яростные антишотландские речи говорят о положении, которое шотландцы занимали в английском обществе и всей империи. Его основные претензии выражались в том, что шотландцы занимают все хорошие должности, которые должны занимать англичане.

Итак, можно прийти к выводу, что империя оказала огромное воздействие на трансформационные изменения идентичности представителей Шотландии. Воздействие имперской британской государственности было настолько сильным, что оно сделало шотландцев британцами в большей степени, нежели англичан. Империя предоставила шотландцам возможность карьерного роста и позволила создать приток богатства в страну, что повлияло на формирование чувства преданности со стороны Шотландии по отношению к империи, давшей ей упомянутые возможности. Такие выводы делались еще в 1800-х гг. Например, сэр Джон Синклер, редактор статистического учета Шотландии, предостерегал, что шотландский успех внутри Союза может превратить Шотландию в «Северную Британию». С другой стороны, сэр Вальтер Скотт, который являлся горячим сторонником унии, тем не менее, боялся, что тесное сотрудничество Англии и Шотландии со временем англизирует Шотландию и заберет все, что составляло шотландскую идентичность. В конечном итоге, несмотря на то что шотландский успех в имперский период действительно создал и укрепил британскую идентичность в рядах шотландского этноса, в этот период через тартанизм, Кэльярд и «миф равенства» шотландцы обновили и усилили свою идентичность [Beveridge, Turnbull 1989: 14–16; Devine 2003: 346–360].

Многие современные исследователи уделяют внимание важности научного осмысления взаимосвязи между идентичностью и имперской государственностью [Colley 2009; MacKenzie 1998; Апрыщенко 2016]. Уже упоминавшиеся Дивайн и Колли действительно уделяют большое значение восприятию британской идентичности в Шотландии. Маккензи в своем сочинении 1998 г. об империи в отношении национальной идентичности Шотландии придерживается той же позиции [MacKenzie 1998: 215–231]. Он показывает, что связь между Шотландией и империей была сильной, и не только на уровне госструктур. Шотландские общественные организации, бизнес-структуры и ремесленные объединения прошли огромный путь для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к империи. Его анализ основывается на шотландском опыте «гордости имперскими достижениями, соединенными с чувством долга по отношению к колониальным учреждениям» [MacKenzie 1998: 224]. По словам Маккензи, это было продемонстрировано не только на примере промышленности и административного регулирования, но и религиозных институтов, с помощью которых шотландцы внесли большой вклад в миссионерскую деятельность. Однако главной мыслью Маккензи является то, что лояльность и гордость по отношению к Британской империи не означали подавления имперским государством шотландской идентичности. Он показывает, что в течение XIX в. шотландцы, работающие в пределах империи и проявляющие огромную лояльность по отношению к ней, также принимали большое участие в реконструкции и возрождении шотландской идентичности. Следовательно, подчеркивает Маккензи, государство и национальная идентичность, даже в пределах одной империи, не являются взаимоисключающими явлениями.

Среди авторов, рассматривавших специфику шотландской идентичности в условиях имперской государственности, точки зрения, подобной мнению Маккензи, придерживается Харви. Он указывает на то, что шотландцы, особенно в XIX в., прилагали значительные усилия по созданию имперской государственности, однако они в то же время поддерживали прочные культурные связи с Шотландией. Харви показывает взаимосвязь между двумя идентичностями. Он

объясняет, что участие Шотландии в строительстве Британской империи было основано на «импорте шотландской храбрости, для того чтобы компенсировать английскую трусость» [Harvie 2004: 63-64]. Конечно, трудно сказать, как далеко распространилась эта идея. Она лишь показывает различия между народами Великобритании, которые были использованы для усиления, а не ослабления империи. Такой же принцип был положен Дивайном в основу описания королевских бригад горцев.

Эти бригады различались по их обмундированию, которое основывалось на шотландских горных клановых традициях использования различных расцветок тартанов [Devine 2003: 49-68]. Однако во время войны с Францией подразделения шотландских горцев стали символом британского патриотизма. Тот факт, что ярко выделяющиеся шотландские солдаты стали символом британской армии, в очередной раз показывает взаимосвязь двух идентичностей — британской и шотландской. Союз предоставил выгоды обеим странам: Англия получила храбрых воинов, Шотландия обрела богатство и другие преимущества. Это создало общность внутри британской идентичности и в то же время сохранило шотландскую национальную неповторимость. Таким образом, империя способствовала развитию британской идентичности в Шотландии и одновременно предоставляла шотландцам возможность процветания. Шотландцы могли быть благодарными и чувствовать верность по отношению к империи, которая дала им возможность заработать богатство и построить карьеру. Однако, с другой стороны, отчетливо прослеживается шотландское влияние внутри империи. Как и в случае с общей британской идентичностью, империя была основой предоставления возможностей для шотландцев без прямого вмешательства в их национальную идентичность. В некоторых случаях она даже способствовала укреплению национальной шотландской идентичности [Тюрин, Савинова 2015: 195-201] благодаря гордости, которую шотландцы испытывали по отношению к своим собственным подвигам, совершенным во славу империи. Получается, что британская имперская государственность смогла стать инструментом укрепления общенациональной идентичности, не входя в противоречие с моделью государственного и национального самосознания шотландцев. При этом необходимо понимать, что такие социокультурные явления, как тартанизм, Кэльярд и эгалитаризм, позволили шотландцам осознать свою национальную специфику в условиях империи. Эта специфика отличала шотландцев от англичан, валлийцев от ирландцев, но при всем этом она не оказалась в конфликте с британской идентичностью. Иными словами, две идентичности (шотландская и британская) не противоположны друг другу сами по себе, скорее, они развивались одновременно. И история показала, что они обе могут быть одновременно уместными. На основе этого можно утверждать, что идентичность не представляется логическим политическим средством для тех сил, которые борются сегодня за национальное самоопределение Шотландии.

Подытоживая, отметим, что шотландский опыт того, как была решена проблема межнационального и межкультурного противостояния в условиях империи, породившей новые социальные и экономические задачи, может иметь значение и для России, т.к. процесс формирования идентичностей имеет вневременное и внеисторическое значение, возобновляясь в каждодневной социокультурной практике народов.

Список литературы

Алибегилев Ш.А., Волков В.А. 2016. Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики. — *Управленческое консультирование*. № 5. С. 19-24.

Апрыщенко В.Ю. 2016. Шотландская империя британской нации: колониальная деятельность и шотландская национальная идентичность в XVIII–XIX вв. — *Гуманитарные и юридические исследования*. № 3. С. 24–29.

Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. 2014. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами. — *Среднерусский вестник общественных наук*. № 2. С. 197–206.

Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. 2015. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности. — *Власть*. № 4. С. 195–201.

Шапаренко В.В. 2010. Современные теории цивилизационного развития и их возможности в изучении региональной истории. — *Былые годы*. № 3(17). С. 79–86.

Чернышов А.Г. 2017. Современное государство: последний левиафан, фантом или мессия? — *Власть*. Т 5. № 5. С. 57–67.

Beveridge C., Turnbull R. 1989. *The Eclipse of Scottish Culture: Inferiorism and the Intellectuals*. Edinburgh: Polygon. 121 p.

Colley L. 2009. *Britons: Forging the Nation 1707–1837*. Revised edition. N.H.; L.: Pimlico. 430 p.

Devine T.M. 2003. *Scotland's Empire 1600–1815*. L.; N.Y.: Allen Lane, Harmondsworth. 473 p.

Harvie Ch. 2004. *Scotland and Nationalism. Scottish Society and Politics, 1707 to the Present*. 4th ed. L.; N.Y. 274 p.

MacKenzie J.M. 1998. Empire and National Identities. The Case of Scotland. — *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 8. P. 215–238.

TYURIN Evgeniy Anatol'evich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Chair of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management — Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5a Pobedy Bly, Orel, Russia, 302028; Turin.of.Foveran@yandex.ru)

INFLUENCE OF THE BRITISH IMPERIAL STATEHOOD ON THE SCOTTISH NATIONAL IDENTITY: TO THE QUESTION OF INDEPENDENCE OF SCOTLAND

Abstract. The article examines the process of civilizational changes in the UK in conditions of building the imperial statehood. The author analyzes the peculiarities of the Scottish national identity in the context of the Scottish participation in the construction of the British Empire. The author shares the opinion of those researchers who believe that the military and administrative successes of the Scots within the Empire were the main driving forces of British national integration, as well as of the formation of the Scottish national identity. The article points out that the imperial statehood could become the founder of a nationwide British identity, without conflict with the Scots' national identity model. In other words, the two identities (Scottish and British) are not opposite by themselves, they developed simultaneously, and history showed that they could be both relevant at the same time. On this base, the author argues that Scottish identity is not necessary argument for those forces that are fighting today for Scotland's national self-determination.

Keywords: Scotland, British Empire, identity, historical imperatives, imperial statehood, clan traditions, Great Britain